

В. И. Пефтиев

Взаимовлияние литературы и обществознания: Ш. Бодлер и П. Ж. Прудон

Культурология, осуществив менее чем за четверть века стремительный взлет из эмбрионального состояния в полнокровную и самостоятельную науку, приобретает методологический статус для смежных отраслей социогуманитарного знания. Важнейшие разделы культурологии, такие как семиотика и герменевтика, обладают инструментальным потенциалом, а ее ведущие понятия (дискурс, диалог, текст, контекст, подтекст) применимы как в литературоведении (традиционная критика и «лингвистический поворот»), так и в обществознании. Избранный нами сюжет о взаимовлиянии малых рассказов в прозе Бодлера и социальной философии Прудона является дополнительным аргументом в пользу становления интегративных знаний. Точкой пересечения литературы и обществознания стало проблемное поле бедности.

В научный оборот вовлечены как ранее известные источники (биографии, переводы, научные монографии и статьи), так и новейшие исследования, в том числе «досье по Бодлеру» парижского журнала "Le Magazine Littéraire". В статье представлена авторская интерпретация малоизвестных малых поэм в прозе («Игрушка бедняка», «Глаза бедняков», «Избивайте нищих!», «Пирог»). Отмечены неведомые грани его гения – журналистика, фотоискусство, продвижение массовой литературы в противовес элитарной. Творчество Бодлера и Прудона сохраняет актуальное измерение в трудах российских ученых, считающих экономику частью социокультурного пространства. Проблема бедности перешагнула национальные границы и вызвала стойкое отчуждение людей в условиях кризиса глобализации и эгоизм международного капитала.

Ключевые понятия: интегративные знания, взаимовлияние литературы и обществознания, культурология, семиотика, герменевтика, дискурс, исторический и ментальный контекст, Бодлер, Прудон, малые поэмы в прозе.

V. I. Peftiev

Interference of Literature and Social Science: Che. Baudelaire and P. Zh. Prudon

Culturology, having carried out a prompt take-off from the embryonic state into a full-blooded and independent science less than for a quarter of the century, has a methodological status for related fields of socio-humanistic knowledge. The most important parts of culturology such as semiotics and hermeneutics have a tool potential, and its leading notions (discourse, dialogue, text, context, subtext) can be used as in literary criticism (traditional criticism and "linguistic turn") as well as in the social science. The plot chosen by us about interference of small stories in Baudelaire's prose and social philosophy of Prudon is an additional argument in favour of formation of integrative knowledge. The problem field of poverty became a point of intersection of literature and social science.

Earlier known sources (biographies, translations, scientific monographs and articles) are involved into the scientific turn, and the latest researches, including "files on Baudelaire" of the Parisian magazine "Le Magazine Littéraire". The author's interpretation of little-known small poems in prose is presented in the article ("The Poor's Toy", "Eyes of the Poor", "Beat Beggars!", "Pie"). Unknown sides of his genius – journalism, photoart, promotion of the popular literature as opposed to elite are presented. Baudelaire and Prudon's works keep real measurement in works by Russian scientists considering economy as a part of sociocultural space. The problem of poverty stepped over national borders and caused permanent alienation of people in conditions of the crisis of globalization and selfishness of the international capital.

Keywords: integrative knowledge, interference of literature and social science, cultural science, semiotics, hermeneutics, discourse, historical and mental context, Baudelaire, Prudon, small poems in prose.

Как жить в мире, с которым ты не согласен?
Как жить с людьми, если ни их страдания, ни их
радости не считаешь своими? Если ты знаешь,
что чужой среди них.

Милан Кундера¹

Предвижу сомнения в допустимости взаимо-
влияния гениального поэта, с дурной славой и
несомненным бессмертием, и гениального соци-
ального философа, оспариваемого и оклеветан-
ного, с поразительно живучими идеями, ясно-
видца и путаника. «Странные сближения», по

А. С. Пушкину, оказывается, имеют глубокие основания. И в нашем сюжете они не в "ratio" (концептуальное единомыслие), а в почве эпохи (немецкое слово Grund точнее отражает это различие) [5, с. 287]. Исторический контекст для Бодлера и Прудона – это Франция 40–60-х гг. XIX в. Второе основание сосредоточено в проблемном поле культурологии как связующем звене, посреднике между литературой и общественным сознанием. Нам понадобятся ключевые понятия семиотики культуры: артефакты (сочинения), мир смыслов, значений и знаков (текстов), в которых закодирована социальная информация; а также диалогичность культуры (оптимальный способ общения с читателем, слушателем) [6]. Нам не обойтись и без герменевтики, или искусства истолкования, разъяснения и понимания текстов различного содержания [6, с. 112–116, 133]. Будет востребована и концепция дискурса (М. Фуко, «Археология знания», 1969), под которым понимается не синоним речи (фр. 'discours'), а социальное послание автором обществу, организация социокультурного пространства [6, с. 463–464]. И третье, последнее основание «странного сближения» двух гениев через незримый диалог (и далее полилог) заключается в возможностях общенаучного метода – индукции, движения мысли от индивидуального к общему и далее (по возможности) – ко всеобщему. И тем самым мы обогащаем наши знания о литературе, культуре и обществе. Первому предоставляется слово Шарлю Пьеру Бодлеру (Baudelaire), 1821–1867. Жизнь после смерти продолжается. Историография по Бодлеру не угасает, от первых прижизненных изданий до полного собрания сочинений во Франции (1968). Поэзию Бодлера переводили В. Брюсов, А. Александрович (1902), А. Л. Кобылинский и др. В 2014 г. парижский журнал «Литературное обозрение» (Le Magazine Littéraire) подготовил очередное «досье» по Бодлеру [11].

Вернемся к истокам становления личности Бодлера, его общественных идеалов. Молодой Бодлер не мог не поддаться на чары футуристических проектов социалиста-романтика Шарля Фурье (1772–1837). Затем кумиры Бодлера и его неугомонной братии сменились. В трактирах и клубах вокруг бильярдных столов не прекращались жаркие споры относительно республики, избирательного права, критики аристократической иерархии, скандально крупных состояний. Бодлер подвергал словесной «порке» все тогдашнее общество. От восхищения революцио-

нером Бланки (1805–1881) Бодлер свои симпатии перенес на Прудона (1809–1865). В пересказе Анри Труайя (Льва Тарасова) знакомство состоялось в тревожные июньские дни 1848 г. Бодлер отправляет взволнованное письмо своему учителю: «Гражданин, Ваш горячий друг, Вам незнакомый, хочет Вас видеть во что бы то ни стало... Вас могут убить». Встреча состоялась в редакции газеты «Пепль» (с фр. – 'народ'). Прудон повел его в трактир. Бодлер оживленно и наивно говорил, мало ел и много пил. Прудон пил совсем мало, зато много ел. Бодлер осмелился спросить у мэтра: «Для писателя вы едите на удивление много!». – «Дело в том, что мне предстоит многое свершить!» – ответил тот с обезоруживающей простотой... Другого случая встретиться с Прудоном Бодлеру не представилось. Последовали репрессии против Прудона, добровольная ссылка в Бельгию, тюремное заключение. Республиканский пыл у Бодлера остыл [9, с. 110].

Июньские ужасы 1848 г. потрясли Бодлера. В книге «Мое обнаженное сердце» находим такие фразы: «Безумие народа и безумие буржуазии. Естественная любовь к преступлению» [9, с. 109]. В планах к «Поэме в прозе» обнаружена саркастическая запись о гражданской войне: «Пушечный выстрел, взлетают тела людей... Слышны стоны жертв и крики победителей... Так человечество ищет счастье» [10, с. 157]. (Перевод автора. – В. П.)

Революция 1848 г. стала историей. Но она оставила самый глубокий след в истории Европы XIX в. (до Парижской коммуны 1871 г.) как восстание бедных! Восстание, разгромленное картечью генерала Кавеньяка, но живое в памяти и последующих поколений. Прудон никогда не отрекался от своей «Философии нищеты» (1847). Современники неоднозначно высказывались об этой незаурядной личности. Художник Курбе оставил нам портрет размышляющего Прудона в окружении книг и его детей (Пьер-Жозеф Прудон в 1853 г.). Полотно 1865 г. (год смерти теоретика анархизма). На обложке газеты "L'eclipse" (от 21 февраля 1869 г.) представлен шарж на диспут между Дювернуа и Веллесом за наследство Прудона. Снимки размещены в вышеназванном номере «Литературного обозрения». Отверженным посвятил свой роман и В. Гюго. Бедность как судьба, вызов и ответ фигурируют и в сборнике "Le Spleen de Paris" (есть и другие названия поэм в прозе. – В. П.)

Четыре шедевра украшают сочинения зрелого Бодлера (после «Цветов зла»). Они почти неизвестны российским читателям; воспроизведем их фабулу и квантэссенцию по переводу Льва Львовича Кобылинского (1879–1947), друга и единоверца Андрея Белого (перевод 1910 г.) [2].

«Игрушка бедняка». Случайная встреча двух детей. Их разделяет решетка (показательный символ) обширного сада при восхитительном замке, освещенного солнцем. Один из них – прекрасный и свежий, в кокетливой деревенской одежде. Его любимая игрушка, такая же великолепная, как и ее хозяин, лежит на траве. Другой ребенок стоял на дороге, среди репейника и крапивы, оборванный, жалкий, выпачканный сажей. Маленький замарашка теребил в решетчатом коробе свою игрушку – живую крысу. И оба ребенка по-братски улыбались друг другу, сверкая зубами равной белизны. В тексте встречается символ отвратительной ржавчины нищеты (с. 327–328).

«Глаза бедняков». Новое кафе на углу бульвара, с обилием дичи, фруктов, выпечки. Напротив на мостовой мужчина лет сорока, с усталым лицом, седеющей бородой, придерживал одной рукой мальчугана и нес на другой маленькое существо, слишком слабое, чтобы ходить. Лица трех необычайно серьезные, их глаза пристально осматривали новое кафе с равным восхищением, но с нюансами в соответствии с возрастом. Шансонье говорят, что удовольствие (*le plaisir*) делает душу доброй и смягчает сердце. Увиденное вызвало в нем, посетителе кафе, необъяснимую ненависть к тем, кто пользуется этими благами сверх нормальной потребности. Употреблен в тексте и символ – семейство глаз (с. 343–344).

«Избивайте нищих!». Автор решает проверить философское поучение: «Только тот бывает равен другому, кто это докажет, и только тот достоин свободы, кто умеет ее завоевать». Намеренная драка с нищим, и тот – о, чудо! – дал ему равноценную сдачу. «Спор окончен. Вы мне равня, сделайте мне честь разделить со мной мой кошелек. Он (нищий) мне поклялся, что понял ее (философию жизни) и что будет следовать моим советам» (с. 385–386).

«Пирог» (из сборника 1902 г.) Путешественник на отдыхе. Спокойно режет хлеб, как вдруг, подняв глаза, увидел маленькое существо, оборванное, всклокоченное, с дикими, ввалившимися глазами пожирает этот кусок хлеба. «И я услышал, словно вздох, низкий и глухой, голос, который произнес слово «пирог!» (белый хлеб). Ав-

тор отрезал большой кусок и протянул мальчугану. И в это мгновение неизвестно откуда взявшийся дикарь, похожий на первого, сбил его с ног. Оба катались на земле и избивали друг друга. «Пирог» путешествовал из рук в руки. Кусок хлеба исчез, рассыпавшись на мелкие крошки, похожие на песок, с которым они смешались. И авторское недоумение завершает этот текст: «Есть же, значит, такая славная страна, где хлеб называется пирогом; где это редкостное лакомство, что может вызвать братоубийственную войну!» [2, с. 38–41].

И во всех сборниках поэзии Бодлера фигурирует мольба-призыв: «Куда угодно, лишь бы прочь от этого мира». Английская версия: "Any where out of the world". Оригинал: "N'importe où hors du monde".

В чем новизна поэтических миниатюр в прозе после «Цветов зла» (1857)? Каковы взгляды Бодлера на бедность в эпоху показного богатства буржуазии (империя Наполеона III)? Можно ли реконструировать дискурс мыслителя XIX в. в наше время? Послушаем исследователей творчества великого француза.

Дореволюционный литературовед и публицист А. Александрович отмечает непокорность (не безыдейность!) идей Бодлера предвзятости и общественному мнению. Его (Бодлера) возбудила страсть к переменам и скитаниям в интеллектуальном пространстве Франции и Европы середины XIX в. Автора предисловия к переводу маленьких поэм в прозе (40 из 50) покоряет сжатость языка, которая сильна настолько, что стоит вынуть одно слово из иной фразы, чтобы исчезло обаяние всей поэмы [10, с. 4, 7]. Подтверждаем сказанное одним из примеров великолепного стиля Бодлера².

Клод Рой (Roy) начинает предисловие к "Le Spleen de Paris", последовательно отвергая бытующие представления о жанре этого сборника. Это не книга новелл, не дневник, не черновик. Автор обращается к самому себе, ведет диалог с собой, себя обвиняет, экзальтирует, убеждает, побуждает к действию. В поэмах возникает философ, психолог, моралист. Размышления не смешиваются с песней поэта и его комментариями [10, с. 5, 6].

В самом обширном досье по Бодлеру (2014) рассеяны крупными заголовками любопытных свидетельств неподдельного интереса к Прудону, перипетиях воспоминаний, атакующих оценок. Пьер Глодес (Glaudes) приводит выдержки из письма к Анселю (Ancelle) от 5 марта 1853 г.: переводот 2 де-

кабря 1851 г. его «физически деполитизировал»; он теряет революционный порыв и удаляется от Прудона, но продолжает интересоваться политическими дебатами. В письме Сент-Беву от 14 июня 1858 г. Бодлер полемизирует с идеями Прудона из его книги «О справедливости в революции и религии». Бодлер намеревался обсудить с Прудоном его книгу «О политическом потенциале рабочего класса», ставшую завещанием политического философа (письмо Анселю от 8 февраля 1865 г.). Рукопись "Assommons les pauvres" заканчивается вопросом: «Что скажешь ты об этом, гражданин Прудон?». Бодлер здесь оправдывает насилие для достижения равенства, тогда как Прудон защищает программу взаимопомощи (*mutuellisme*), взаимного кредита и социального контракта. Сохранились отзывы о Прудоне и в последующих письмах Бодлера к Сен-Беву и Анселю (1865, 1866 гг.). После знакомства с текстами Жозефа де Местра (*Maistre*) у Бодлера укрепляется аристократическая ненависть к эгалитаризму (равенству), основанному на «братской проституции» [11, с. 75–76].

Стив Мэрфи (*Murphy*) комментирует различные интерпретации маленькой поэмы "Assommons les pauvres!" и сравнивает с кредо В. Гюго в сборнике «Возмездия» (*Les Châtiments*) и другими текстами о пауперизации населения в Европе, в частности, в Ирландии. Художник К. Писсаро приступил к созданию серии картин под впечатлением нищего из поэмы Бодлера. Известное по рукописи обращение к Прудону исчезло в печатном тексте. С. Мэрфи вопрошает: «Кто инициатор изъятия фразы-вопроса: поэт или издатель?». Образы нищего различаются у Бодлера, Гюго, Малларме. Что имел в виду Бодлер: пародию на революцию 1848 г. (ярмарка идей) и/или обличение экономического эгоизма буржуазии и сочувствие страданиям бедных? Дилемма без вразумительного ответа: Бодлер предпочел амбивалентность и неопределенность [11, с. 88–91]. Анализ С. Мэрфи заслуживает отдельного обсуждения.

Как понимать маленькие поэмы Бодлера о бедности и бедных? Подсказки найдены автором в концептуальных рекомендациях культурологов. А. А. Пелипенко призывает отказаться от объяснительного механизма (стремление ограничиться выделением самого главного, самого важного в смыслах). Всякая доминантность смысла внутри комплекса (мира или текста) контекстуальна. Речь должна идти о переменной доминантности с учетом исторического и мен-

тального контекстов [7]. Л. В. Карасев предлагает относиться к тексту как к живому целому, в котором на равных правах с персонажами существуют вещества, формы, цвета, запахи, направленность движения мысли и событий. Различают исходный и заключительный смыслы, то есть то, что образно названо «кривой смысла» (Я. Голосковер) [4].

Преодолевая сомнения, автор осмеливается выдвинуть в предварительном плане некоторые гипотезы (версии) по заявленной теме.

Культурология – в который раз! – сталкивается с частичным несовпадением оригинала и перевода. Разночтения возникают не только из-за многозначности слов в разных языках и различий в оценках. В текст перевода вторгается «чужой» (переводчик, ученый, текстолог), с иным видением ситуации (взгляд современника или следующих поколений, которым неведомы многие детали и подробности). Бодлер чаще всего обращается к слову «бедные» (*les pauvres*). Роман В. Гюго переведен как «Отверженные», хотя в оригинале "*les misérables*" (корень – нищета). В названии "Assommons les pauvres!" глагол в повелительном наклонении. По фабуле поэмы – 'избивайте бедных!', что дословно перевел Л. А. Кобылинский. Но у глагола "assommer" два значения: 1) убить внезапно и 2) довести до истощения (истощения) чем-либо [12]. К тому же современная наука и стилистика ввели градации: нищие, бедные и близкие к бедным.

Сборник "*Le Spleen de Paris*", куда вошли все маленькие поэмы в прозе, состоит из текстов Бодлера разных лет (1857, 1862–1867). За эти годы его мировоззрение, вне сомнения, испытало метаморфозы разного свойства и происхождения. Сказался опыт Бодлера как журналиста и любителя фотографии – рождавшегося на его глазах визуального искусства, конкурирующего с живописью. Отсюда объективные препятствия и субъективные предубеждения в интерпретации того или иного текста, в первую очередь на тему бедности.

Своеобразная манера поэтического диалога Бодлера с прошлым и настоящим, с самим собой и оппонентами отражает, на наш взгляд, генезис французского символизма и личный сплин (тоску, тревогу) парижанина-наблюдателя градостроительных экспериментов барона Оссмана (*Hausmann*). Мы не беремся судить, что возобдало в поэзии позднего Бодлера: преждевременная старость (биологическая) и/или экзистенциальный опыт (быстротечный, но насыщенный).

Многое травмировало его тело и душу. Многочисленные и частые недомогания (от сифилиса). Конфликты и трения с матерью, отчимом, властями, издателями. Запутанные отношения с женщинами (Жанна Дюваль, госпожа Сабатье, другие). Неровные отношения с собратьями по перу, например с В. Гюго [10, с. 169–190].

Современные исследователи творчества Бодлера обнаружили неведомую ранее грань его гения – журналистику. Вездесущий поэт, эта мятущаяся душа, учреждал газеты и журналы, размещал там свои корреспонденции на злобу дня, публиковал отдельные поэмы из циклов «Цветы зла» и "Le Spleen de Paris". Робер Копп и Антуан Компаньон (Compagnon) уловили невидимую связь между Алексисом де Токвилем (1805–1859) и поэтом-журналистом Бодлером. Первый – профессиональный политолог Токвиль – посвятил отдельную главу своего знаменитого труда сравнению литературной жизни в Америке и во Франции. При демократии из-за неодинакового образования литература возникает из журналистики; в нее попадают авторы с разным образованием из разношерстной массы людей – именно они распределяют между собой доходы и славу. Так зарождается массовая литература. При господстве аристократии литература под контролем господствующего класса, это удел узкого круга представителей умственного труда, с соблюдением неписаных правил и заботой о стиле. Так консолидируется элитарная литература. Во Франции [8] Бодлер первый нарушил табу и опубликовал свои маленькие поэмы в прозе не в престижных литературных журналах, а в периодической печати [11, с. 58–63]. Робер Корр (Швейцария) причисляет Бодлера к тем гениям XIX в., которые сформулировали права человека (ныне забытые), а именно: право противоречить себе и право удалиться (отвергнуть этот мир) [11, с. 56].

Достижения культурологии подрывают устои утилитарного, консервативного и вульгарного взгляда на примат производства и техники в общественной жизни. Первым пробил брешь в самовосхвалении великий «еретик» в экономической мысли Й. Шумпетер, сказав, что экономику нельзя объяснить только экономикой. Все больше и больше экономистов признают, что предмет их исследований – это часть социокультурного пространства. А. В. Бузгалин (МГУ) продолжает изучать проблему неравенства, равнодушия одних и забитости/озлобленности других в рамках критики мультикультурализма. Этот миф оправ-

дывает конформизм интеллектуалов, забвение критериев добра и зла. Мультикультурализм поκειται на расширении границ отчуждения (К. Маркс), на отказе от равноправного диалога народов, цивилизаций, социальных групп [3].

Заявленная цель статьи прозрачна – привлечь внимание к интегративным знаниям, горизонтам и возможностям их обнаружения, описания и осмысления; это, так сказать, надводная часть айсберга. То, что скрыто под водой, – это шансы на выбор для читателя: прочесть вдумчиво маленькие поэмы в прозе; проявить сочувствие к мукам бедности; найти свою тропу к личности Бодлера и Прудона (мой случай).

Библиографический список

1. Бодлер, Ш. Маленькие поэмы в прозе [Текст] / Ш. Бодлер; перев. и вст. статья А. Александровича. – М., 1902. – 120 с.
2. Бодлер, Ш. Цветы зла и стихотворения в прозе в переводе Эллиса [Текст] / Ш. Бодлер. – Томск: Водолей, 1993. – 400 с.
3. Бузгалин, А. По ту сторону мультикультурализма [Текст] / А. Бузгалин // Свободная мысль. – 2014. – № 5. – С. 13, 5–20.
4. Карасев, Л. В. Чехов и поэтическая аналогия [Текст] / Л. В. Карасев // Человек. – 2014. – № 5. – С. 146–151.
5. Кундера, М. Бессмертие. Роман [Текст] / М. Кундера. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 416 с.
6. Культурология [Текст]: учебник для бакалавров; под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Нагана. – М.: Юрайт, 2012. – 566 с.
7. Пелипенко, А. А. К пониманию мифоритуальной системы. Статья II. Реконструкция архаики [Текст] / А. А. Пелипенко // Человек. – 2014. – № 5. – С. 5–14.
8. Токвиль, А. де. Демократия в Америке [Текст] / А. де Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
9. Труайя, А. Бодлер [Текст] / А. Труайя; перев. с фр.; вст. ст. С. Б. Джимбинова. – М.: Мол. гв. – ЖЗЛ, 2006. – 262 с.
10. Baudelaire. Le Spleen de Paris (Texte de 1868) Préface de Claude Roy. – 1964. Le livre de poche. – 192 p.
11. Le dernier Baudelaire // Le Magazine Littéraire. – 2014, octobre. – № 548. – P. 56–96.
12. Le Robert pour tous. Dictionnaire de la langue française. – Paris, 1994. – p. 67.

Bibliograficheski spisok

1. Bodler, Sh. Malen'kie pojemy v proze [Tekst] / perev. i vst. stat'ja A. Aleksandrovicha. – M., 1902. – 120 s.
2. Bodler, Sh. Cvety zla i stihotvorenija v proze v perevode Jellisa [Tekst]. – Tomsk: Vodolej, 1993. – 400 s.
3. Buzgalin, A. Po tu storonu mul'tikul'turalizma [Tekst] / A. Buzgalin // Svobodnaja mysl'. – 2014. – № 5. – S. 13, 5–20.
4. Karasev, L. V. Chehov i pojeticheskaja analogija [Tekst] / L. V. Karasev // Chelovek. – 2014. – № 5. – S. 146–151.
5. Kundera, M. Bessmertie. Roman [Tekst] / M. Kundera. – SPb.: Azbuka-klassika, 2009. – 416 s.
6. Kul'turologija : uchebnik dlja bakalavrov [Tekst] / pod red. Ju. N. Solonina, M. S. Nagana. – M.: Jurajt, 2012. – 566 s.
7. Pelipenko, A. A. K ponimaniju miforitual'noj sistemy. Stat'ja II. Rekonstrukcija arhaiki [Tekst] / A. A. Pelipenko // Chelovek. – 2014. – № 5. – S. 5–14.
8. Tokvil', A. de. Demokratija v Amerike [Tekst] / A. de Tokvil'. – M.: Progress, 1992 – 554 s.
9. Truajja, A. Bodler [Tekst] / A. Truajja / perev. s fr. ; vt. st. S. B. Dzhimbinova. – M.: Mol. gv. – ZhZL, 2006. – 262 s.
10. Baudelaire. Le Spleen de Paris (Texte de 1868) Préface de Claude Roy. – 1964. Le livre de poche. – 192 p.
11. Le dernier Baudelaire // Le Magazine Littéraire. – 2014, octobre. – № 548. – P. 56–96.
12. Le Robert pour tous. Dictionnaire de la langue française. – Paris, 1994. – p. 67.

---

¹ Кундера М. Бессмертие. Роман. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – С. 310–416.

² "Laisse – moi respirer longtemps, longtemps, l'odeur de tes cheveux, y plonger tout mon visage, comme un homme altéré dans l'eau d'une source, et les agiter avec ma main comme un mouchoir adorant pour secouer des souvenirs.

Laisse-moi mordre longtemps tes tresses lourdes et noires. Quand je mordille tes cheveux élastiques et rebelles, il me semble que je mange des souvenirs". Магия женщины начинается с волос. См.: «Вселенная шевелюры» // Le Spleen de Paris. P. 50–51.